

АНТОНЕНКО Наталия Павловна,
аспирант кафедры русского языка Института филологии Киевского национального университета
им. Тараса Шевченко; Киев, Украина;
e-mail: angie_15@ukr.net; тел.: +38-097-911-11-90

СОСТАВ СИТУАЦИЙ САКРАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ЛИЧНОСТИ В РУССКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗКАХ

Аннотация. Статья посвящена описанию ситуаций перехода между мирами в сакральной истории личности на материале русских волшебных сказок. Описан статус «теории возможных миров» в современной лингвистике. Особое внимание уделено специфике восточнославянских ситуаций перехода между мирами, определён спектр ситуаций и их взаимосвязь. Описаны ситуации инициации, любви, пролития «сакральных соков человека», колдовства, рождения и смерти. Объектом исследования являются психологические ассоциативы концептуально-языковой картины мира — актуализированные компоненты пропозиции, выполняющие функцию переключателя от профанной ипостаси к сакральной и предполагающие знаковую вариативность прочтения и многоуровневую иерархию смыслов.

Проведённый анализ показал доминирование антропоморфной, орнитальной и анимальной моделей, тесную взаимосвязь одушевлённых и неодушевлённых агентов. Локативы в русских волшебных сказках не имеют чётких границ; переходы между различными мирами выражены при помощи сакральных мифологем, которые во многом соотносятся с первоэлементами бытия. Среди темпоральных характеристик доминируют наиболее сакральные мифологемы, такие как «ночь», «закат». Значимыми для ситуаций перехода между мирами могут быть как специальные сакральные атрибуты таинственного происхождения, так и предметы домашнего обихода.

Ключевые слова: мифопоэтика, волшебная сказка, психологический ассоциатив, сакральное, возможные миры.

Проблема определения сущности реальных и ирреальных миров относится к числу важнейших задач современного гуманитарного познания. Русские волшебные сказки, являясь одним из наиболее архаичных фольклорных жанров, сохранили древнейшие мифопоэтические воззрения. Их исследование поможет ответить на ряд актуальных вопросов современного языкознания.

Как известно, сакральное (от лат. *sacer* — священное, посвящённое богам) — всё, имеющее отношение к Божественному, сверхчеловеческому, религиозному, небесному, потустороннему, иррациональному, невидимому, мистическому, отличающемуся от обыденных вещей, понятий, явлений [7]. Сакральные объекты имеют не только материальное измерение, но и духовное, связаны с высшим миром. С сакральным человек встречается регулярно, особенно во время основных этапов своей жизни. Восточнославянские сакральные ситуации обладают определённой спецификой:

1. Креолизация язычества и христианства [11, с. 169–179], которая заключается в отсутствии чёткого разграничения между молитвами и заговорами; преподнесении высшей силе съестных даров в качестве жертвы; «славяне язычники поклонялись лесам, которые исполняли роль храмов» [13, с. 21], в храмах же проходит церковная служба. Параллели можно провести среди всех компонентов: агентов (*жрец-священник*), локативов (*пещера, гора — церковь, произнесение заговоров и молитв лицом на восток*), темпоралей (*дни разгула нечистой силы (перед Рождеством), дни церковных праздников*), атрибутивов (*специальная сакральная одежда, благовония*), сакральных действий (*пение, поклонение*).

2. Органическая взаимосвязь сакральной истории (на уровне сакральной истории личности, социума и мира, микро-, макро-, и мегауровней).

3. Высокая вариативность символизации сакрально-абстрактного прочтения (*купание младенцев в бархатцах, любистке и калине, развязывание узлов / открывание окон и дверей во время родов, обсыпание молодых зерном и монетами*).

4. Обилие предрассудков и склонность к суевериям (*до крещения нельзя показывать ребёнка чужим людям, нельзя на свадьбе проходить между молодыми, т. е. «разбивать пару»*).

5. Сепаративность (*запрещается выходить за пределы дома невесте, беременной, роженице, за исключением выходов ритуального характера [13, с. 88], произносить заговоры следует шепотом и далеко от людей*);

6. Матриархичность [10, с. 106] (*значимость крёстной в обряде крещения, бабушки-повитухи во время родов, мужчинам вовсе запрещалось находиться в доме во время мук роженицы*).

7. Амбивалентность [3, с. 20; 5, с. 6; 10, с. 104–105]. Например, в похоронном обряде, с одной стороны, *запрещалось сильно убиваться за усопшим, иначе у души не будет покоя, слёзы могут «обжигать душу»*, с другой стороны, специально нанимали плакальщиц, которые причитали и голосили, оплакивая покойника.

8. Родовая ориентированность (*поминальная кутья на Святки, захоронение предков под порогом дома*).

Возможный мир — это категория модальной логики, которая используется для установления истинности / ложности модальных высказываний [1, с. 37], это нечто мыслимое, не отражающее реального положения вещей («реальность нереального»), несколько направлений развития будущего [9].

Для понимания теории возможных миров значимым является понятие **психологической ассоциатив (ПА)**. ПА описывает ситуацию сакральной истории личности или социума, мира в точках пересечения возможных миров с реальным миром.

К ПА относятся актуализированные компоненты пропозиции, выполняющие функцию переключателя от профанной ипостаси к сакральной и предполагающие знаковую вариативность прочтения и многоуровневую иерархию смыслов. ПА представляет собой устойчивую хронотопическую характеристику (время, место) или атрибут ситуации высшего напряжения духовных сил человека или носителя коллективного сознания [12, с. 108], которые исполняют преимущественно апотропеическую функцию, функцию защиты от зла во всех формах бытия [11, с. 176]. Таким образом, в качестве ПА способны функционировать любые компоненты (актанты, предикативы, темпорали, локативы и атрибутивы) сакральных ситуаций, связанных с основными этапами жизни человека, социума и мира.

Состав ситуаций сакральной истории личности в русских волшебных сказках представлен следующим спектром: **инициация, любовь (поиски любимой / любимого, сватовство, свадьба), пролитие сакральных соков человека (слёз и крови), колдовство, рождение и смерть**. Все компоненты ситуаций рассмотрены нами по степени нисходящей активности.

I. Ситуация инициации героя

Ситуация инициации в русских волшебных сказках занимает доминирующее положение среди остальных ситуаций сакральной истории личности. Связано это с тем, что, по мнению исследователей, инициация героя начинается как только он выходит за порог своего дома. «Сказка отражает в основном представления о смерти» и «обряд посвящения юношества при наступлении половой зрелости» [8, с. 147]. Как правило, герой отправляется в иное, подземное царство, подвергается опасностям, во время которых переживает временную смерть. В ситуации инициации можно выделить следующие компоненты:

Агентивы. Благодаря представлениям о живой и одухотворённой природе в обряде инициации задействованы антропоморфная модель (*красная девица / девица / красавица, девочка, братец / братья*), орнитальная модель (*заморская птичка, птичка, орёл, ворон, сокол, колтунца, голубица, серебряная птичка-золотой хохолок, селезень*), анимальная модель (*кот, собака, мышка / мышонок, медведь, заяц, змея, серый волк, львица, жеребец / конь*), инсектная модель (*пчёлка / пчёлы, муравьи*) и модель первоэлементов бытия: «*Ветры буйные подули, море взволновалось, бочку выкинуло на сухой берег, на жёлтый песок. Емеля и Марья-царевна вышли из неё*» [2, с. 137].

Локативы. Инициация героя проходит в лесу (представлена мифологемами *под елью, избушка, тёмный лес, поляна, за смородиновым кустом, берёза, яблоня*), у воды (*на синем море, берег, жёлтый песок, река, вода, огненная река, калиновый мост, озеро*), на открытом пространстве (*луг, чистое поле*), абстрактный локус — в пути (*путь-дорога, дорога*), в локусе иного мифомира (*дворец, подводное царство, яма подземельная, под камнем*).

Темпорали. Обряд инициации в русских волшебных сказках происходит исключительно после захода солнца, что представлено мифологемами *вечер, закат, ночь, полночь*, а также описательно: *солнышко село*. По длительности инициация может длиться момент (например, *окунание в чан с молоком*), но может и 3 дня.

Атрибутивы. Одежда (обязательно нарядная и царская, т. к. происходит возобновление героя в новом качестве): *царское платье, нарядное платье, рукавица, шапка, соболья шуба, сорочка, рубашка, башмаки, кушачок, полотенце; драгоценности: перстень, кольцо, золото, серебро, подарки, пуховое одеяло, серебряные яблоки, серебряная ложка, серебряная табакерка*; вода и атрибуты обряда омовения / потопления: *ключевая вода, живая и мёртвая вода, сети шёлковые, смолёная бочка, железный обруч, камень, ведро, борода, чан*; еда: *хлеб, вино, пуд соли, молоко, горелая корка*; инструментивы героя: *клубочек, железная палица, нож, пёрышко, труба, горсть земли, верёвка*.

Сакральные действия. К сакральным действиям обряда инициации в русских волшебных сказках относятся *купание в молоке, обмывание, потопление, сшивание и оживление тела*.

II. Ситуация любви (поиски любимого/любимой, сватовство и свадьба). Данная группа является также многочисленной, практически каждая сказка содержит в себе компонент поиска любимого/любимой или поиска атрибута для его спасения и заканчивается свадьбой.

Агентивы. Данная группа состоит из собственно влюблённых (*Финист-ясный сокол, добрый молодец, ворон, сокол, орёл, кукушка, лягушка*), их помощников (*голуби, кот, собака, серый волк, жеребёнок / конь, гости, отец*) и противников (*ведьма, Баба яга, Коцей Бессмертный*). Как видим, образы влюблённых не все антропоморфны: «*Три дня Марьюшка привечала к себе молодца; днём он летает соколом по синему поднебесью, а к ночи прилетает к Марьюшке и делается добрым молодцем*» [2, с. 87]. Сказке известны случаи брака человека с чудесным существом, которое может предстать в образе как человека, так и птицы. Это связано с древнейшими тотемными верованиями.

Локативы. Среди локативов необходимо выделить локусы встречи влюблённых (*горница, зелёный сад, поляна, окно, двор, шатёр*), локус обитания любимого/любимой, который потом превращается в локус встречи (*терем, дворец, дерево, дуб, другое царство, Тридцатое царство, мышье государство*), расстояние, которое герой/героиня обязаны преодолеть для встречи (*поле, лес, горы, степи, луга, море, реки, мост, огненная река, избушка*), локус свадьбы — *пир (на весь мир)*.

Темпорали. Данная группа представлена мифологемами *ночь, две ночи, утро, на четвёртый день, три дня, рассвет третьего дня*. В русских волшебных сказках ночь является лучшим временем для встречи влюблённых, а утро — временем разлуки.

Атрибутивы. Гастрономический код (*тесто, мёд, пиво, молоко*), свадебная атрибутика (*перстень, столы дубовые, скатерти бранные, золото-серебро, лозанка, пушки, трубы*), а также атрибутика для встречи с любимым (*пёрышко, коляска, платок, лук, стрелы, башмаки, посох, колпак, серебряное блюдечко, золотое яичко*).

Сакральные действия: выпекание голубков, зазывание милого, катание яйца по блюду, колдовство с пёрышком, поиски невесты при помощи стрельбы из лука, сжигание.

III. Ситуация смерти

Агенти́вы. Ситуация смерти в русских волшебных сказках предполагает смерть исключительно отрицательных персонажей (*таких как ведьма, Чудо-юдо, Баба яга, Кощей Бессмертный*). Смерть героев и последующее воскресение были рассмотрены в группе ситуаций инициации (с позиции временной смерти). Карателем в сказке всегда является главный герой (*Иван-коровий сын, Иван-царевич*) или его помощники (*собака, дикий жеребец, конь, братья, серый волк, щука*).

Локати́вы. Интересным, на наш взгляд, является то, что локусы захоронения и смерти соотносятся с первоэлементами бытия: с землёй (*сырая земля, чистое поле, яруги, крутые овраги*), водой (*река, калиновый мост, синее море*), огнём (*костёр, пепел*), воздухом (*ветер*). Смерть Кощей Бессмертного, находящаяся «на конце иглы, игла в яйце, яйцо в утке, утка в зайце, заяц в каменном сундуке, сундук на дубу», по мнению исследователей, восходит к древнеегипетским воззрениям о помещении мумий в несколько саркофагов [4, с. 19].

Темпорали. Смерть в русских волшебных сказках наступает всегда ночью, поскольку именно ночью происходят встречи героев с представителями иных мифомиров, во время разгула нечистых сил (*разношёрстный конь, жар-птица, бой на калиновом мосту с Чудом-юдом*).

Атрибутивы: яблоки, вода, блины, меч, палица, железные прутья, дрова, лошадиный хвост.

Сакральные действия: отравление воды и еды, сжигание, развеивание ветра по ветру, разбрасывание частей тела по полю, разбивание яйца и ломание иглы.

IV. Ситуация колдовства — неотъемлемый компонент русской сказки, особенно волшебной. Наличие этого компонента отличает волшебную сказку от бытовой.

Агенти́вы. Среди агентов в русских волшебных сказках необходимо отметить антропоморфные существа (*двенадцать молодцев, мастера, плотники*), анимальные (*щука*), а также неодушевлённые предметы, которые путём колдовства превращаются в живые (из пассивных в активные): *топор, дубинка, дрова, ведра, печь, сани*.

В результате колдовства не только стирается грань между одушевлённым / неодушевлённым, но и происходит переход из одной группы в другую, из агента в локатив: «...Василиса Премудрая тотчас оборотила коней зелёным лугом...» [2, с. 116]. Таким образом, в ситуации колдовства семантические группы становятся подвижными.

Локати́вы. Среди локативов ситуации колдовства в русских волшебных сказках использованы как абстрактные локативы, не дающие никаких географических данных: *разные места, все стороны, за тридевять земель*, — так и конкретные: *луг, царское крыльцо, двор, изба, печь, гора, улица, дорога, крыльцо, угол, пир*. Наличие абстрактных локативов свидетельствует о том, что пространство русских волшебных сказок строго не структурировано: для сказки часто не имеет значения, где именно происходит действие.

Темпорали: *ночь, до утра, во время сна, полночь, в ту же минуту*. Как видим, колдовство всегда происходит ночью, и результат виден мгновенно.

Атрибутивы: *рукав, косточки, стакан с водой, кольцо, платок, посошок-пёрышко*. В качестве атрибута колдовства может быть использован любой предмет домашнего обихода.

Сакральные действия: *махание платком, перекидывание кольца с руки на руку, плевание, загибание замков*.

V. Ситуация пролития сакральных соков человека: крови и слёз. Пролитие крови

Агенти́вы. Актанты ситуации пролития крови представлены мифологемами *пчёлы, ворон, братья*. Среди жертв, поддающихся нападению, необходимо отметить следующие: *ведьмы* (предстают в образе *кровати, колодца, яблони*), *кот, Иван-коровий сын*. Напр.: «Воткнул он нож в стену, повесил на него белое полотенце, а под ним на пол миску поставил. «Присматривайте, как будет с полотенца кровь течь: если половина миски наберёт — ладно дело, если полная миска наберёт — всё ничего, а если через край польётся — тогда спешите мне на помощь» [2, с. 106]. «Тут братья проснулись, глянули — всё полотенце в крови, из миски кровь через край льётся...» [2, с. 107]. Таким образом, в русской волшебной сказке кровь служит индикатором смерти героя; потеря крови — это потеря жизненной энергии. С другой стороны, кровь указывает на принадлежность к миру живых существ: «...давай яблоню рубить крест-накрест, из неё только кровь брызжет» [2, с. 108].

Локати́вы: *на море, на калиновом мосту, в пути*, т. е. между миром обитания человека и потусторонним миром. К атрибутам ситуации пролития крови относятся колющие и режущие предметы: *жало, клов, меч, нож*. Среди сакральных действий необходимо отметить *втыкание ножа в стену*, чтобы кровь наполняла миску.

Пролитие слёз в русских волшебных сказках всегда искренне.

Агенти́вы. Плачут в русских волшебных сказках преимущественно женские персонажи: *Алёнушка, Марья Моревна, девочка, мать*; слёзы ассоциируются с женским началом и слабостью. Реже эту функцию выполняют мужские персонажи: *Мартышка, Иван-царевич*.

Не менее интересны **локативы** пролития слёз. С одной стороны, герой плачет в статическом положении (т. е. он готовится к подвигу): *под стогом, на камне, в заключении*, — а с другой стороны, слёзы проливаются и в динамике, что представлено мифологемой *в дороге*.

Темпорали ситуации пролития слёз в русских волшебных сказках, с одной стороны, не ограничены во времени, герой может плакать *и день, и другой, и третий*. С другой стороны, слёзы являются предшествующим почти обязательным этапом перед подвигом. В связи с этим неоднократно подчёркивается их кратковременность: «...заболел старик и помер, остался Мартынка с матерью, потужили-поплакали, да делать-то нечего: мёртвого назад не воротить» [6, с. 207–208]. Связано это, вероятно, с тем, что слёзы предполагают бездействие и остановку сюжета. Для сказки же важна динамика. Встречается несколько причин пролития слёз: слёзы горя или беды, слёзы из-за разлуки с любимым, слёзы радости, встречи с любимым.

VI. Ситуация рождения практически не характерна для русских волшебных сказок. Сказка начинается почти всегда тем, что герой достиг возраста инициации, а заканчивается свадьбой до рождения детей. И всё же отсутствие детей в сказке считается великим горем, поэтому происхождение ребёнка всегда таинственно.

Агентивы в русских волшебных сказках представлены как антропоморфными существами (*Девка-чернавка (сын Иван-девкин сын), царица (сын Иван-царевич)*), так и анимальной моделью (*корова (Иван-коровий сын)*).

Темпорали. Временная характеристика в русской волшебной сказке «Иван-коровий сын» имеет несколько точек пересечения. Сначала все три агентива «*понесли в один день, в один час*», а затем совместно «*разрешились они в одно время тремя сыновьями*». Таким образом, весь процесс рождения ребёнка подведён под общий тип и у царевны, и у служанки, и у коровы.

Атрибутивы: *блюдо, невод, рыбка, золотое пёрышко, помои.*

Сакральные действия: *поедание / облизывание сакрально приготовленной пищи, рыбы, сваренной на семи водах.*

Таким образом, состав ситуаций сакральной истории личности в русских волшебных сказках представлен следующим спектром: инициация, любовь (поиски любимой / любимого, сватовство, свадьба), пролитие сакральных соков человека (слёз и крови), колдовство, рождение и смерть. И все ситуации являются взаимосвязанными. Так, например, ситуация инициации, смерти или разлуки с любимым часто продуцирует ситуацию пролития сакральных соков. («*А у царя во дворе крик да слёзы. Марья-царевна по Емеле скушает, не может жить без него, просит отца, чтобы выдал он её за Емелю замуж*» [2, с. 136]). Среди агентивов ситуаций сакральной истории личности доминируют антропоморфная модель, орнитальная и анимальная — те, которые соотносятся с тотемным мировоззрением древних славян. Неодушевлённые предметы в сказках могут становиться одушевлёнными и наоборот. Это влияет на развитие сюжета, придаёт ему динамики. Локативы в русских волшебных сказках не имеют чётких границ, они могут быть конкретными и абстрактными, могут быть наделены семантической статикой и динамикой (*путь, дорога*), а также связывать различные мифомыры. Среди локативов наиболее акцентированной мифологемой является *поле* как локус смерти, инициации и др. Локусы смерти соотносятся с первоэлементами бытия. Анализ темпоральных характеристик свидетельствует о том, что в сакральных ситуациях личности доминируют мифологемы *ночь* и *закат*. Переход героя из одного мира в другой происходит после захода солнца, в сакральное время. В различных ситуациях герои используют специальные атрибуты, которые могут иметь как таинственное, потустороннее происхождение, так и являться обычным предметом домашнего обихода.

Литература

1. Вардзелашвили Ж. А. «Возможные миры» текстуального пространства [Электронный ресурс] / Ж. А. Вардзелашвили. — С. Пб.; Тбилиси: С. ПбГУ и ТбилГУ, 2003. — Режим доступа: <http://vjanetta.narod.ru/tekst.html> (дата обращения: 15.12.2011).
2. *Живая вода*: сб. рус. нар. песен, сказок, пословиц, загадок / сост., вступ. ст. и примеч. В. П. Аникина. — М.: Детская литература, 1986. — 462 с.
3. *Кайуа Р.* Миф и человек. Человек и сакральное / Р. Кайуа. — М.: ОГИ, 2003. — 296 с.
4. *Кротова Н.* Персонаж восточнославянской волшебной сказки: Проблематика изучения и перспективы исследования образа Кошца / Н. Кротова // Вестник культурологии: сб. науч. материалов студентов и аспирантов. — Киров, 2004. — С. 18–22.
5. *Кузьмина Т. В.* Сакральная составляющая в лексических единицах русского языка (с привлечением единиц из болгарского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Т. В. Кузьмина. — М.: МГОУ, 2011. — 16 с.
6. *Народные сказки.* — М.: Возрождение, 1992. — 323 с. — (Библиотека русской сказки: в 10 т.; т. 2).
7. *Новая философская энциклопедия*: в 4 т. [Электронный ресурс] / [ред. В. С. Стёпин]. — М.: Мысль, 2001. — Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/9015/САКРАЛЬНОЕ (дата обращения: 22.11.2012).
8. *Протт В. Я.* Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Протт. — Ленинград: ЛГУ, 1986. — 362 с.
9. *Руднев В. П.* Словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты [Электронный ресурс] / В. П. Руднев. — М.: Аграф, 1997. — Режим доступа: <http://philosophy.ru/edu/ref/rudnev/index.htm> (дата обращения: 24.11.2012).
10. *Служай Н. В.* Етноконцепти та мифологія східних слов'ян в аспекті лінгвокультурології / Н. В. Служай. — К.: Київський університет, 2005. — 167 с.
11. *Служай Н. В.* Категоріальні архетипи мови міфопоетичної традиції язичників і християн: спроба зіставлення / Н. В. Служай // Слов'янський університет. — 2001. — Вип. 9. — С. 169–179.
12. *Служай Н. В.* Міфопоетичний словник східних слов'ян / Н. В. Служай. — Сімферополь: Кримське НПДВ, 1999. — 120 с.
13. *Служай Н. В.* Мовна символіка і міфопоетика текстів Тараса Шевченка / Н. В. Служай, Ю. Л. Мосенкіс. — К.: А+С, 2006. — 164 с.

References

1. *Vardzelashvili Zh. A.* «Vozmozhnye miry» tekstualnogo prostranstva [Elektronnyy resurs] / Zh. A. Vardzelashvili. — S. Pb. ; Tbilisi : S. PbGU i TbilGU, 2003. — Rezhim dostupa: <http://vjanetta.narod.ru/tekst.html> (data obrashcheniya: 15.12.2011).
2. *Zhivaya voda* : sb. rus. nar. pesen, skazok, poslovits, zagadok / sost., vstup. st. i primech. V. P. Anikina. — M. : Detskaya literatura, 1986. — 462 s.
3. *Kayua R.* Mif i chelovek. Chelovek i sakralnoe / R. Kayua. — M. : OGI, 2003. — 296 s.
4. *Krotova N.* Personazh vostochnoslavyanskoy volshebnoy skazki: Problematika izucheniya i perspektivy issledovaniya obraza Koshcheya / N. Krotova // Vestnik kulturologii : sb. nauch. materialov studentov i aspirantov. — Kirov, 2004. — S. 18–22.
5. *Kuz'mina T. V.* Sakralnaya sostavlyayushchaya v leksicheskikh edimitsakh russkogo yazyka (s privlecheniem edinitz iz bolgarskogo yazyka) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.01 / T. V. Kuzmina. — M. : MGOU, 2011. — 16 s.
6. *Narodnye skazki*. — M. : Vozrozhdenie, 1992. — 323 s. — (Biblioteka russkoy skazki : v 10 t. ; t. 2).
7. *Novaya filosofskaya entsiklopediya* : v 4 t. [Elektronnyy resurs] / [red. V. S. Stepin]. — M. : Mysl, 2001. — Rezhim dostupa: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/9015/SAKRALNOYe (data obrashcheniya: 22.11.2012).
8. *Propp V. Ya.* Istoricheskie korni volshebnoy skazki / V. Ya. Propp. — Leningrad : LGU, 1986. — 362 s.
9. *Rudnev V. P.* Slovar' kultury XX veka. Klyuchevye ponyatiya i teksty [Elektronnyy resurs] / V. P. Rudnev. — M. : Agraf, 1997. — Rezhim dostupa: <http://philosophy.ru/edu/ref/rudnev/index.htm> (data obrashcheniya: 24.11.2012).
10. *Slukhay N. V.* Etnokontsepty ta mifologiya skhidnykh slov'yan v aspekti lingvokulturologii / N. V. Slukhay. — K. : Kyivs'kyi universytet, 2005. — 167 s.
11. *Slukhay N. V.* Kategorial'ni arkhetypy movy mifopoetychnoi tradytsii yazychnykh i khrystyyan : sprobа zistavlennya / N. V. Slukhay // Slov'yanskyi universytet. — 2001. — Vyp. 9. — S. 169–179.
12. *Slukhay N. V.* Mifopoetychnyi slovnyk skhidnykh slov'yan / N. V. Slukhay. — Simferopol' : Kryms'ke NPDV, 1999. — 120 s.
13. *Slukhay N. V.* Movna symvolika i mifopoetyka tekstiv Tarasa Shevchenka / N. V. Slukhay, Yu. L. Mosenkis. — K. : A+S, 2006. — 164 s.

Антоненко Наталія Павлівна,

аспірант кафедри російської мови Інституту філології Київського національного університету ім. Тараса Шевченка;
Київ, Україна;
e-mail: angie_15@ukr.net; тел.: +38-097-911-11-90

СКЛАД СИТУАЦІЙ САКРАЛЬНОЇ ІСТОРІЇ ОСОБИСТОСТІ В РОСІЙСЬКИХ ЧАРІВНИХ КАЗКАХ

Анотація. Стаття присвячена опису ситуацій переходу між світами в сакральній історії особистості на матеріалі російських чарівних казок. Описано статус «теорії можливих світів» у сучасній лінгвістиці. Особлива увага приділяється специфіці східнослов'янських ситуацій переходу між світами. Визначено спектр таких ситуацій та їх взаємозв'язок. Описано ситуації ініціації, любові, пролиття «сакральних соків людини», чаклунства, народження і смерті. Об'єктом дослідження є психологічні асоціативи концептуально-мовної картини світу — актуалізовані компоненти пропозиції, що виконують функцію перемикача від профанної іпостасі до сакральної та містять варіативність прочитання і багаторівневу ієрархію смислів.

Проведений аналіз показав домінування антропоморфної, орнітальної й анімальної моделей, тісний взаємозв'язок живих і неживих агентивів. Локативи російських чарівних казок не мають чітких меж, переходи між різними світами виражені за допомогою сакральних міфологем, які співвідносяться з першоелементами буття. Серед темпоральних характеристик домінують найбільш сакральні міфологеми, такі як «ніч», «захід». Значущими для ситуацій переходу між світами можуть бути як спеціальні сакральні атрибутиви таємничого походження, так і предмети домашнього вжитку.

Ключові слова: міфопоетика, чарівна казка, психологічний асоціатив, сакральне, можливі світи.

Nataliya P. Antonenko,

post-graduate student of the Russian Language Chair of Institute of Philology of Shevchenko Kiev National University;
Kiev, Ukraine;
e-mail: angie_15@ukr.net; тел.: +38-097-911-11-90

THE COMPOSITION OF THE SITUATIONS OF SACRED HISTORY OF PERSONALITY IN RUSSIAN FAIRY TALES

Summary. The article is devoted to description of transition situations between the worlds in the sacred history of personality based on material of Russian fairy tales. The status of the «possible worlds' theory» in modern linguistics is described. Special attention is paid to the specifics of Eastern Slavic transition situations between worlds; the spectrum of situations and their interrelation are defined. Situations of initiation, love, shedding of «sacral human juices», witchcraft, birth and death are described. Objects of research are psychological associatives of conceptual linguistic picture of the world, actualized components of proposal performing the function of the switch from the profane to the sacred hypostasis and implying symbolic reading variability and multilevel hierarchy of meanings.

The analysis showed dominance of anthropomorphic, ornital and animal models, close connection of animate and inanimate agentives. Locatives in Russian fairy tales do not have clear boundaries; transitions between various worlds are expressed with sacral mythologems that largely correspond to the basic elements of being. The most sacral mythologems such as «night», «sunset» dominate among the temporal characteristics. Either special sacral attributives of mysterious origins or household items can be significant for transition situations between worlds.

Key words: mythopoeitics, fairy tale, psychological associative, sacred, possible worlds.

Статтю отримано 15.09.2013 р.